

ВМЕСТЕ С СЫНОМ ДОИЛА КОРОВ РУКАМИ

Действующие лица:

КАТЯ
СВЕТА
КЛАРА
САНИТАРКА
УСАТАЯ МЕДСЕСТРА
МЕДСЕСТРЫ, 3 чел
ВРАЧ
ТАЯ
ЗАЯ
РАЯ
МАЙЯ
ПОЛИЦЕЙСКИЕ, 2 чел.
АЙЛАН
АЛКАШ
СТАРУШКА
ДЕД
ПАРЕНЁК
ТЁТКА и другие женщины
МАЙОР
МАТЬ
СИЛУЭТ

Действие 1.

Сцена 1.

Родильное отделение. По коридору на каталке санитарка везет разрешившуюся роженицу. Уже выходя из лифта, санитарка, не сдерживая раздражения, безбожно грохочет каталкой о железные двери, которые еще не успели до конца открыться даже. Санитарка бурчит гневное под нос, чуть ли не переворачивая роженицу при транспортировке, та хватается слабыми руками за каталку. Видно, что она без сил и почти не может двигаться. Протиснув каталку через двери лифта, санитарка встряхивает ее яростно и тянет по коридору с грохотом, продолжая бормотать.

САНИТАРКА . Я такого еще не видела, нет, видела восемь лет назад. Но это было восемь лет назад, один раз!

КЛАРА. Простите меня.

САНИТАРКА. (Резко останавливается, оборачивается, встряхивает каталку) Что?! Что ты там шепчешь?! Что б ты в родзале так шептала!

КЛАРА. *(изо всех сил старается говорить громко)* Простите! Что вам! Приходится! Меня тащить!

САНИТАРКА. *(задумавшись, произвольно мягко)* Такая работа, детка, такая работа... *(внезапно приходя в себя)* Нет, посмотрите! Она ещё и издевается! Ты сюда поиздеваться над всеми пришла? Бог ты мой, да что за женщины пошли, что за молодёжь. Никогда такого я не видела, нет, видела восемь лет назад, было такое... Но это восемь лет назад, один раз! Все женщины как женщины, приходят, рожают...

КЛАРА. *(кривится от боли, не то плача, не то смеясь)* Я люблю вас! Простите, простите меня... Что вы меня тащите...

САНИТАРКА. И не приходи больше, поняла? Чтоб больше сюда не приходила. Нормальные рожать должны, а не такие вот...

КЛАРА. Простите, по-моему, я описалась, там мокро.

САНИТАРКА. Это кровь. Рубашку новую принесу, поменяешь. Пелёнки есть одноразовые?

КЛАРА. Нет, но я попрошу, мама принесёт.

САНИТАРКА. Посетителям нельзя, пусть внизу оставляют, дежурная передаст в палату.

КЛАРА. А скажите, я знаю, у вас индивидуальные палаты есть...

САНИТАРКА. *(встряхивает каталку, освобождая застрявшее колесо)* Платные. С телевизором.

КЛАРА. Хорошо, а можно меня в такую?

САНИТАРКА. Нет, ну вы посмотрите! Ей ещё и отдельную палату подавай! Нет уж, будешь лежать, как все. Платные заняты.

КЛАРА. А почему вы так сердитесь на меня? Другие разве не кричат? В кино всегда кричат.

САНИТАРКА. Хэх! Так в кино и сразу годовалые рождаются!

КЛАРА. Я думала это нормально, я не специально, просто хотелось кричать.

САНИТАРКА. А ты не думай. Ты ни чем не лучше других. Здесь все одинаковые.

КЛАРА. Да, это хорошо, это правильно.

САНИТАРКА. *(внезапный взрыв ярости)* Правильно?! Что правильно?!

Концерт по заявкам устраивать в пять утра? Конец смены! Ты представляешь, сколько родов приняли за рабочий день? А если бы все так себя вели?!

КЛАРА. Ну не все же. Это я только. Кстати, пять утра, самое время взбодриться... *(немного заряжается от собственной шутки)*

САНИТАРКА. *(останавливается, дёргает каталку со всей силы, всё больше сверепея)* Да уж взбодрились, нечего сказать! Как в зоопарк сходили или в цирк! Вон, видела, с соседних залов врачи сбежались посмотреть, кто это ревёт! Это надо ж было постараться!

КЛАРА. *(вдруг развеселившись)* Зато запомните меня теперь!

САНИТАРКА. *(шипит)* Не надейся! Забуду! Забуду сразу, как страшный сон! *(успокаивается)* Сейчас до палаты доведу – и забуду. Здесь все

одинаковые. Женщины. Все рожают, на процедуры ходят. Сейчас три часа отдых, потом встанешь и пойдёшь на завтрак. Со всеми.

КЛАРА. Я не встану, у меня разрывы.

САНИТАРКА. Женщина, тут у всех разрывы. У кого кесарево, у кого разрывы. Все встают и идут на завтрак.

КЛАРА. Но у меня крови нет.

САНИТАРКА. В смысле? Кровь тут причём? Вон, вся простыня в крови, вы говорите, нет.

КЛАРА. Внутри нет.

САНИТАРКА. Ничего, сейчас отдохнёте три часа, поспите, придёте в себя.

КЛАРА. А где мой ребёнок? Как я его узнаю? Они далеко показали.

САНИТАРКА. Не волнуйтесь, не перепутают. Все с бирочками.

Санитарка толкает дверь в палату, оттуда бьёт в глаза агрессивный фиолетовый свет.

ГОЛОС ИЗ СВЕТА. Не ходите. Кварцевание.

Сцена 2

Три часа положенного отдыха. Палата на трёх человек. Ослепительная стерильность. На каждой койке кто-то плоско лежит, не разобрать – солнечный свет из окна разъедает глаза. Возле каждой койки – ещё одна, пустая, детская, с решёткой. На истёртой простыне несколько печатей «минздрав». Из-под спины тихонько расплзается пятно крови. Помещение хорошо проветрено.

КЛАРА. *(смеётся, шурится закрытыми глазами)* Радость? Какую радость я испытала, вы спрашиваете? Весь мир радуется, глядя на моего сына и на нашу страну! Что же должна испытывать я, мать? Мы садимся в просторной светлой комнате, посередине которой – стол, покрытый белой скатертью. Букет цветов. Диван, кровать, стулья. Над кроватью – портрет сына. Вот он с Лениным, вот молодой, в кабинете... Ну и кто же ты теперь будешь? – я у него спрашиваю. А он отвечает: «Царя помнишь? Ну я вроде царь»... *(смеётся радостно, по-девичьи)*

Женщины на соседних койках тихо переговариваются.

СВЕТА. Это что за... Что ли, семь суток это терпеть?

КАТЯ. Если всё нормально, на пятые выписывают. Я, когда первого рожала, через пять дней уже дома была.

СВЕТА. Так у тебя второй уже? Ну ты зайка - ни целлюлита, ничего нигде не висит! Как только что с выпускного!

КАТЯ. *(говорит с деревенским акцентом)* Ага. С выпускного! Помню, первого рожала - муж на халтуру поехал, а бульбу копать надо! Так вот меня прямо в огороде схватило...

СВЕТА. Молодцы мы, просто зайньки! Я, вот, тоже, в приёмной, карту протягиваю, а врач говорит: «Что ж вы, как восемнадцать стукнет - сразу рожать идёте?» Потом в карте смотрит - и такая: «Ой, ну по вам не скажешь!»

КАТЯ. Малого с бабой оставила. Шкодить будет.

СВЕТА. *(вздыхает)* Ну когда уже мне принесут мою бусеньку... Лишь бы всё нормально, ничего ж не говорят. Сказали, что наглоталась этой жидкости, в которой плавала – как она умудрилась наглотаться... Сказали, воспаление, будем колоть. Буся моя... А мне что делать? Лежать, блядь, в окно смотреть?

КАТЯ. Блядь, сиськи как два мяча.

СВЕТА. *(вздыхает)* Ой, не говори. Я вот купила себе грушу эту, молокоотсос, уже не знала, какой выбрать. Даже электронные есть, без рук. Время ставишь - сам откачивает.

КАТЯ. Ай. Дурное. Абы что.

СВЕТА. Что, не сцеживает?

КАТЯ. Да не, руками.

СВЕТА. Руками?! У меня вон, сиськи, блядь, как два мяча!

КАТЯ. Ну. У меня тоже. Каменные.

Клара начинает смеяться в бредовом сне. Женщины настораживаются.

КАТЯ. *(тревожным, сдавленным шепотом)* До конца ты можешь только сама, руками сдоить. Молокососом всё не сдоишь. А там если остаётся что – потом воспаление, даже режут.

СВЕТА. *(тоже шёпотом)* Слушай, слушай, сейчас опять начнёт.

КЛАРА. *(смеясь)* Да, он был немного помешанным, я так и звала его «помешанный». Соседи, учителя много жаловались... Да вы сами посмотрите на эти фотографии – как он держится, как он выделяется среди всех мальчишек. Стоит, задравши нос, и руки ещё сложил эдак... Я им отвечаю: «Замолчите, ничего не хочу слушать! Мой сын собирается стать царём!» *(смеётся)* Но это я так шутила... Я ведь хотела, чтобы он стал священником. Тогда, в кабинете, так и говорила ему: «Лучше бы ты стал священником!»

СВЕТА. *(шёпотом)* Вот конченная...

КАТЯ. Ну.

СВЕТА. Видела, она вся в крови, в говне каком-то...

КАТЯ. Ну. Как бомжиха. Может, врача позвать?

СВЕТА. Может лучше койку в коридор выставить?

КАТЯ. Ты думай, что говоришь. Хер мы койку поднимем. Ты хоть ноги чувствуешь?

СВЕТА. *(поворачивается на бок, пытается встать, кричит)* Ой. Ой.

КАТЯ. Я же с ней была в родзале. Господи, как она орала. Самой не страшно было рожать, страшно потом слушать, как она рождает.

СВЕТА. А я с этой анестезией ничего почти не чувствовала. Даже обидно... Зато сейчас болит всё. Ой. Встала, вроде. *(берётся руками за груди, ковыляет к окну)*.

КАТЯ. Вот как зверь дикий, знаешь. Дёргается, рычит. Страшно. Как будто из неё не ребёнок, а черти лезли.

СВЕТА. Ребёнка видела?

КАТЯ. Ну да.

СВЕТА. Нормальный?

КАТЯ. Нормальный. Только большой очень.

СВЕТА. Она сама коровица.

КАТЯ. Да, но это не важно. Дети все одинакового размера. А у неё очень большой. Врач даже сказал: «председатель». Ребёнка ей показывает и говорит: «Смотри, дура, сын у тебя председатель. Тебе должно быть стыдно перед ним».

СВЕТА. Так и сказал – «дура»?!

КАТЯ. Ой, это ещё ничего. Что он ей говорил! Она кричит, а он ей: «Что-о, больно?! А ноги раздвигать не больно было?!»

СВЕТА. Блядь, я бы засудила, если б мне такое сказали.

КАТЯ. Блядь! Мой бы муж пришёл – морду набил за такое. Но у неё нет мужа, я подслушала.

СВЕТА *(смотрит в окно)* «Спасибо за дочь» появилось... «Спасибо за сына» - шарики сдулись уже.

КАТЯ. Может, твой?

СВЕТА. Как же. Дождёшься от него. Даже не звонит, сука. Ему только повод нажраться, скотина *(вздыхает)*.

Пауза. Света смотрит в окно, потирая груди и тихонько охая. За окном провисшие растяжки с поздравлениями, гроздь шариков на деревьях и снеговик, крашенные акварелью. Солнечный зимний день. Раздаётся скрип койки. Света резко оборачивается, Катя в испуге приподнимается на локте. Клара лежит всё так же без сознания, на спине, но теперь подняв перед собой руки и поглаживая их – одной рукой другую, поочередно.

КЛАРА. Всё было бы хорошо, всё уже шло хорошо. Да вот, если бы не эти книги. Они были запрещены - а что там в них? Не могу сказать. Чьи-то слова, чьи-то мысли. Таких же людей. Ему поставили на вид, и хотели отобрать. А он не даёт! «Ты что, не видишь, с кем ты разговариваешь?» - спрашивают у него. А он отвечает: «Я вижу перед собой чёрное пятно, и ничего больше». И тогда его исключили. Но ведь это была правда – там все в чёрной одежде ходят...

Резко распахиваются двери, входит медперсонал. Врач и две практикантки. Остаются в дверях.

ВРАЧ. Здравствуйте, женщины. Провожу начальный инструктаж по грудному вскармливанию. Итак, слушаем внимательно. Кормление ребёнка производится в режимном порядке, каждые три часа. Кормление по требованию формирует неправильное пищеварение у младенца. Три часа младенец должен спать, потом есть, потом три часа спать, и так далее. Время кормления – не более 20 минут. Кормление производится в сидячем положении, голова и тело младенца находятся на прямой линии. Корректируйте положение груди, чтобы она не мешала дыханию ребёнка. Если ребёнок жадно сосёт и начинает захлёбываться, следует прекратить кормление и разжать пальцами челюсти ребёнка. После чего придать телу младенца вертикальное положение до появления отрыжки. При соблюдении правил, травматизации сосков можно избежать. При появлении трещин рекомендуется применять ланолин (*уходят, сразу же*).

СВЕТА. Скажите пожа... (*обращаясь к захлопнутой двери*) Не, ну вообще охренели!

Пауза.

КАТЯ. С этой-то что делать...

Клара лежит с закрытыми глазами и по-прежнему гладит вытянутые руки. Света осторожно ковыляет до кровати Клары, с испугом и отвращением заглядывает в её озарённое бредовой улыбкой лицо.

КАТЯ. (*приподнявшись на локте, с любопытством*) Ну что там?

СВЕТА. (*качает головой, с ужасом*) Блядь, хоть бы она не проснулась. Пока я здесь, хотя бы.

ГОЛОС ИЗ КОРИДОРА. (*появляется издалека, набирает громкость по мере приближения и дальше опять гложет в коридоре*) Женщины! Завтрак! Женщины! На завтрак! Все на завтрак! Женщины! Завтра-ак...

СВЕТА. Идём?

КАТЯ. (*довольно легко покидает постель*) Надо поесть. Чтобы молоко набежало. (*доходит до кровати Клары, тревожно склоняется над ней и тихонько трясёт за плечо*) Проснись! Иди поешь!

Клара не реагирует, продолжает улыбаться событиям внутренней жизни. Женщины уходят с обеспокоенными, хмурыми лицами. Клара одна в палате. На стенах играет тенями тихое солнце.

КЛАРА. Внезапно, в горькой ночи вижу Знак Вотана, окруженный немим сиянием, выковывая связь с таинственными силами. Луна, в своем магическом колдовстве, чертит руны. Все, что в течение дня было полным грязи, стало ничтожным пред магической формулой. Так поддельное отделилось от подлинного. А я нахожусь перед Связкой Мечей. *(Пауза)*. Это мой сын написал. *(Пауза)*. В окопе.

Сцена 3.

Столовая. Завтрак. Много бледных женщин в застиранных халатах стоят и сидят с алюминиевыми мисками. Прибывает и убывает очередь к железным чанам. Мерный гул разговоров и шарканье ложек о миски. За окном белое - не то поле, не то небо. Поверх тюли забвенно покачивается новогодний «дождик».

ЗАЯ. А вы знаете, наоборот, было чувство спокойствия. Очень болела поясница, муж её массажировал так интенсивно. Я сама его об этом просила. Очень интенсивно, кожа слезла. Кстати, мужа я не проклинала, как многие, готовилась спокойно.

ТАЯ. Самое главное – не нервничать, всё правильно!

МАЙЯ. А у меня тоже к мужу никаких претензий не было. И, знаете, он, как будто это чувствовал! Правда, ничего не говорил, но он чувствовал...

РАЯ. Они заторможенные просто.

ТАЯ. Это называется: «другая психология». Нужно искать позитивный способ общения.

ЗАЯ. Вот, и я, бывает, тянусь к своему – а он в ответ: почему вещи не там сложены? И отсюда стресс постоянный... Даже думаю что-то вроде маточного молочка пропить.

МАЙЯ. А я тогда вот как делаю: вдох - выдох, вдох-выдох, через нос, через рот. И ещё хорошо водой холодной лицо умыть.

РАЯ. Нет, настоящий стресс – он постоянный. Мы его даже не замечаем. Ещё говорят, что сейчас народ живёт в постоянном стрессе...

МАЙЯ. Я где-то читала про узников Освенциума, так вот, по сравнению с этим, всё остальное ерунда.

ТАЯ. Там была другая психология, трудное время. А хотите, расскажу один секрет? Как только вы начинаете думать о чём-то неприятном – просто выйдите через дверь! Ещё лучше — через пару дверей!

РАЯ. Что-о? В смысле - как?

ТАЯ. Чтобы обмануть подсознание! Вы ему так посылаете информацию, что вы поменяли окружающую среду и вступаете во что-то новое. Становится легче уже через 5 минут, гормоны вырабатываются...

РАЯ. Ну и что? Ты же не будешь весь день входить-выходить. Один раз можно. Но стресс же постоянный!

ЗАЯ. Да, и волосы выпадают, кошмар просто!

МАЙЯ. Я где то читала, что это выпадают те, которые narosли. На животе все повыпадало, а то был лес дремучий. Конечно жаль, что на голове выпадают.

РАЯ. У меня вообще ни разу не вылезали, это значит что они и не выросли чтоли? Вряд ли это как-то связано.

ТАЯ. Можно попробовать шампунь поменять. А еще помогает очень плацент-формула. Дорого, согласна, но оно того стоит, девочки... Всего три ампулки, я втираю после мытья...

Света и Катя в очереди.

СВЕТА. *(с нетерпением)* Ну, вы берёте порцию? *(Шлепает яйцо себе в кашу, громко)* Женщины! Когда детей принесут, кто знает? Кто рожал сегодня?

ТАЯ. Я тоже хотела бы знать, когда?

СВЕТА. А ты когда рожала?

ТАЯ. Утром, в пять часов.

СВЕТА. А в какую палату положили?

ТАЯ. В седьмую...

СВЕТА. Ох, лучше бы тебя к нам положили, вместо этой.

ТАЯ. Что?

СВЕТА. Да к нам недоразвитую какую-то положили утром - психодром настоящий! Может, договориться можно как-то, поменяться, чтобы нормальную женщину положили...

ТАЯ. Как хорошо, что у меня платная палата! С кем ни поговорю - у всех проблемы какие-то, нервы. А ведь сейчас спокойствие – это самое главное!

СВЕТА. *(недовольно)* Понятно. Повезло. Я тоже в платную хотела, но свободных коек не было.

КАТЯ. Наверно, скучно одной?

СВЕТА. *(возмущённо)* Зато нам-то как весело!

ТАЯ. Я решила для себя: пусть будет скучно, но главное - никаких стрессовых факторов!

СВЕТА. Что там есть вообще? Телевизор?

ТАЯ. Телевизор.

СВЕТА. И холодильник тоже?

ТАЯ. И холодильник. И гирлянда висит, правда, старая, выцвела уже. Но я такие люблю, гармошечкой.

СВЕТА. Вот, раз платная – даже гирлянду повесили.

КАТЯ. Давай и мы снежинок навьрезаем.

СВЕТА. Пойду я к дежурной, прямо сейчас. Пусть переводят в платную, как хочет себе! Я ж не засну сегодня! Я реально боюсь за себя и своего ребёнка! Или пускай хотя бы нормальную женщину положат...

КАТЯ. Перестань, успокойся. Она же спит. Она даже встать не может.

СВЕТА. Знаю таких. Сегодня спит – завтра проснулась.

КАТЯ. А мне, всё-таки, было бы скучно одной.

СВЕТА. Телевизор есть - не скучно.

КАТЯ. За телевизор, что ли, платить? Ещё чего.

ТАЯ. Я плачу за спокойствие. Спокойствие дорого стоит - его не купишь ни за какие деньги!

СВЕТА. Да уж, теперь точно не купишь, все койки разобраны.

КАТЯ. А рожала как?

ТАЯ. *(вдруг очень оживляется)* Рожала, ой... *(начинает экспрессивно рассказывать)* Я вообще, если честно, думала, что будет ад! Спрашиваю акушерку: «Скажите, а когда начнется ад?» Она мне отвечает: скоро, поспи пока, отдохни! Схватки идут, а я сплю и шепчу себе: «я лотос, я лотос». Это я прочитала такую технику по психологии: на схватке представляешь, как будто ты раскрывающийся цветок лотоса. Так и бубнела 7 часов: «я лотос, я лотос, я лотос»... *(смеётся сдержанно)* А потом организм дал сбой, или он устал... Короче, я полностью лотос, но как ни стараюсь, не могу выдуть малявку! В итоге подключили капельницу. Дулись мы долго, и в итоге прессом ее мне выдавили...

КАТЯ. Рожала платно, спрашиваю?

ТАЯ. Да, конечно! И кстати, кто платно рожает, тому палата бесплатно.

КАТЯ. В смысле? Так и нам бесплатно!

ТАЯ. Так вам бесплатная палата бесплатно, а мне платная палата бесплатно... Ой, сама запуталась.

СВЕТА *(настороженно, косится на дверь)* Что там происходит?

КАТЯ *(тоже смотрит с любопытством)* Медсестры побежали... Может прорвало где? Загорелось?

СВЕТА. *(встревоженно)* На пожар - запахло бы...

Света оставляет завтрак, проходит к дверям, всматривается в мелькание белых халатов и возню в коридоре.

СВЕТА *(вдруг кричит, срываясь на визг)* Катя! Смотри, несут её! Она проснулась!

Катя вскакивает с места, спешит к Свете, вместе они выбегают в коридор. Смотрят, как удаляются несколько медсестёр, вручную, с трудом, перемещая ослабевшую Клару.

СВЕТА. *(бодро кричит им вслед)* Э! Куда? Совсем уносите?

МЕДСЕСТРА *(пробегая мимо)*. Не волнуйтесь, всё в порядке. В клизменную! *(забегает вперёд, открывает перед процессией двери в клизменную)*

СВЕТА. *(угрюмо)* Не волнуйтесь...

КАТЯ *(вздыхает)* Пошли в палату. *(открывает двери в палату – оттуда бьёт в глаза агрессивный фиолетовый цвет)*

ГОЛОС ИЗ СВЕТА. Не ходите. Кварцевание.

Сцена 4

Палата. Полуденное солнце угасает, освещение становится болезненно серым, скудным. Над Кларой склонилась грузная усатая медсестра. Огромными жёлтыми руками она, по-мясничьи, мнёт предплечие Клары, уже синее от уколов, и пытается найти свежую вену. В ожидании покачивается баллон капельницы на стойке.

МЕДСЕСТРА. Да что ж такое. Я вообще вены здесь не вижу. Покажи, куда они кололи. Может, в ноги кололи? Покажи ноги. (Резко дёргает одеяло, раскрывая Клару, выворачивает ей ногу, рассматривает)

КЛАРА (*с трудом подтягивает одеяло, пытаясь прикрыться*) Поменяйте мне рубашку, пожалуйста.

МЕДСЕСТРА. (*бросает ногу, с возмущением*) Женщина! Тут на каждого всё рассчитано – сколько рубашек, сколько пелёнок.

КЛАРА. А свою можно тогда?

МЕДСЕСТРА. Ничего своего, только стерильность!

КЛАРА. Но рубашка грязная у меня.

МЕДСЕСТРА. Дык нечего ходить, как неряха!

КЛАРА. Я вообще не хожу.

МЕДСЕСТРА. (*опять мнёт предплечие, раздражённо*) Я не понимаю. Что за женщины пошли. Ты же крупная такая, толстая женщина. Ладно, эти, малахольные. Так другая малахольная, ещё в родзале - подотрётся, ребёнка под мышку и пошла. А ты...

КЛАРА. Я потеряла много крови.

МЕДСЕСТРА. (*натирает ватным тампоном сгиб предплечия*) Кровь - ладно, образуется, а я вот вену никак найти не могу... Ладно, сюда попробую, тут кололи вроде, синее всё. (*ставит капельницу*)

КЛАРА. Простите, а что вы колите?

МЕДСЕСТРА. Что врач назначил.

КЛАРА. Что врач назначил? Меня ещё не смотрел никто. (*пытается подняться, рассмотреть, что написано на капельнице*)

МЕДСЕСТРА. Так! Женщина! Лежи ровно. Врач тебе всё назначил.

КЛАРА. Так скажите, что назначил? (*приподнимается, медсестра опускает волевым движением*)

МЕДСЕСТРА. Антибиотик. Ляжь.

Внезапно Клара начинает метаться и дёргаться под руками медсестры, вырывает капельницу, отталкивает стойку

КЛАРА. Мне нельзя! Мне нельзя антибиотик! У меня аллергия! Где моя история? Там же в истории написано! Я задохнусь! Я сейчас умру!

МЕДСЕСТРА (*борется с ней*) Антибиотик просто, обычный антибиотик!

КЛАРА. *(ревёт истошно)* Мне нельзя антибиотик! Уберите! Я умру! Я сейчас умру! Там в истории все написано, читайте историю...

МЕДСЕСТРА. *(придавливает массой)* Да невозможно просто!
(оборачивается на Свету и Катю, в испуге наблюдающих за борьбой) Уж вам повезло, так повезло!

СВЕТА *(ни жива не мертва)* Ага.

КЛАРА. Мне нельзя антибиотики! Я умру! А-а-а!

МЕДСЕСТРА. Не дури, назначил – значит, можно! Начитаются вечно интернетов своих...

КЛАРА. Это правда! Почитайте в истории! Позовите врача!

МЕДСЕСТРА. *(отпускает Клару, становится рядом, с недоумением смотрит назначение)* Буйнопомешанная что ли... Тогда переводить надо. Поцева Раиса, восемьдесят третьего. Ничего больше не написано.

КЛАРА. Пёльцель! Клара Пёльцель!

МЕДСЕСТРА. Етить твою.. и правда. *(подгребает капельницу, уходит, испуганно оглядываясь)* Сейчас, позову, врач подойдёт.

КАТЯ *(кричит вслед)* Скажите! А когда наших детей принесут?.. *(грустно)* Кто-нибудь ответит мне...

Сцена 5

Света и Катя склонились тревожно над кроватью Клары. Клара опять в забытьи. Из закрытых глаз текут слезы.

КЛАРА. Кеке, ты здесь? Ты меня слышишь, моя дорогая Кеке? Ты меня любишь?.. Я видела маленького Сосо, он собирал цветы. Он у тебя очень любит цветы. Такой худенький мальчик... Я протянула ему ромашку – он сразу побежал ко мне. Кеке, твой сын действительно любит цветы, это прекрасно! Возможно, он станет известным художником... И будет каждый день есть мцвади¹! Спроси его: Сосо, когда ты в последний раз кушал мцвади? Вспомнит? Не вспомнит... Он у тебя очень худенький, поэтому болеет всё время. Простуда за простудой, Кеке, так не должно быть. Что себе думает Бесо? Почему он откладывает поломничество? Он же давал клятву – ползти на коленях в Гери и нести сына на плечах, если ребёнок выживет... Да, понимаю, с выручки простого сапожника не наешься мцвади. Скажи Бесо, что нужно жить дальше! Он свой квеври² уже выпил...

КАТЯ. Что она говорит?! Как будто книжку читает, да?

КЛАРА. Кеке? Ты ещё здесь? Я нашла письмо Сосо. Короткое, он ведь не любил писать много. Вот, вспоминай. «Мама моя! Здравствуй, будь здорова, не допускай к сердцу печаль. Ведь сказано: «Пока жив — радовать буду свою

¹ Грузинский шашлык

² Грузинский кувшин для виноделия

фиалку, умру — порадуются черви могильные. Живи десять тысяч лет, дорогая мама». Так у вас принято заканчивать письма, я поняла...

СВЕТА. Я хочу, чтобы она заткнулась.

КАТЯ. Страшно, да? «Че-ерви моги-ильные»...

КЛАРА. Кеке, ты ещё дома? А что твой прекрасный памятник? Я слышала, они готовят тебе ту же участь, что и нам с дядей Алоисом... Да, они снесли надгробие, могилу сровняли. Нас оставили, не трогали. Может, оно и к лучшему — мы правда устали от посетителей. Ты понимаешь, что это за люди, очень беспокойные. Конечно, они приносят цветы, но... Они хотят, чтобы мы были в ответе за них. Но ведь это не так. Как мы, вдвоём с Алоисом, можем быть в ответе за полмира живых и мёртвых? Мы даже не всегда можем ответить за собственных детей — я вспоминаю, как старший, Эдмунд, ушёл из дома... Зато Адольф всегда меня слушался, мы всегда были вместе, даже, когда было невыносимо трудно. А ты знаешь, как Алоис бил меня. Какой ребёнок это выдержит? Я поняла тогда Эдмунда.

СВЕТА. Надо её разбудить.

КАТЯ. Да как? Я толкала!

СВЕТА. Бери за ту руку, потянем.

КЛАРА. Кеке, ты не расстраивайся. Всем нужна мать, живой или мёртвой — любой. Мать всё примет, перетерпит — и обиду, и ропот, и пусть лучше обвиняют мать, чем друг друга. Пусть хоть каждый день в новую яму кладут — если будет их сердцам легче от этого. Я только думаю про твою плиту — чтоб её оставили. Прямая женщина, в белом саване — мне очень нравится этот рельеф. Наше с Алоисом надгробье было простое, я не жалела...

Катя и Света берут Клару под руки, резко усаживают — и разбегаются.

КЛАРА. *(приходит в себя от боли, и падает опять)* Ай!

Сцена 5

В палату входят три медсестры с детьми на руках. Света, Катя, взволнованные, поднимаются со своих коек, выходят к дверям. Клара продолжает лежать.

1-я МЕДСЕСТРА. Здравствуйте, мамочки. Копысенко Екатерина, восемьдесят пятого года рождения.

КАТЯ. Я! Мой! *(правильно, привычно берёт ребенка, прикладывает к груди)* Ма-аленький... Голодный!

2-я МЕДСЕСТРА. Окрестина Светлана, восемьдесят седьмого года рождения.

СВЕТА. Дайте, дайте скорей мою бусеньку! *(оборачивается на Катю, с деланной невозмутимостью пытается скопировать её «профессионализм»)*

Бусенька хочет ку-ушать! *(на ходу, неуклюже, достаёт грудь, запрокидывая голову ребёнка. Поправляет, убедившись, что никто не заметил)*

3-я МЕДСЕСТРА. Пельцер...

КЛАРА. Пёльцель. Клара Пёльцель. Это я.

3-я МЕДСЕСТРА. Простите. Вы будете оставлять ребёнка?

КЛАРА. Что вы имеете в виду?!

3-Я МЕДСЕСТРА. Вам его оставлять после кормления или унести? Как вы себя чувствуете?

2-Я МЕДСЕСТРА. Вы можете ухаживать за ребёнком?

КЛАРА. Пусть побудет у вас, если можно. Я ни сидеть, ни стоять не могу.

3-Я МЕДСЕСТРА. Хорошо, пусть сегодня побудет у нас. Будем носить на кормление.

Медсестра подносит ребенка Кларе, стоит над кроватью в замешательстве, не зная, куда положить младенца... Клара не реагирует, просто смотрит на женщину с её ребёнком на руках - с ребёнком, которого она сама, мать, ещё не держала ни разу и не видела вблизи. Смотрит пусто, потом спохватывается и отодвигается, освобождая место на краю.

3-Я МЕДСЕСТРА. Ребёнка на край не кладут, ни в коем случае! Он может скатиться. Это быстро. *(Клара подвигается, освобождая место у стены, медсестра кладёт ребёнка)* Смотрите, чтобы рот ребёнка захватывал полностью всю ареолу. *(уходит, бросает вслед)* И ни в коем случае не кладите на край!

2-Я МЕДСЕСТРА. *(заглядывая, как Света кормит дочь)* Смотрите, чтобы рот ребёнка захватывал полностью всю ареолу...

Уходят. Тишина. Звуки младенцев. Матери начинают разговаривать с детьми.

КАТЯ. Ну что, соскучился? Кушай, маленький, кушай сисю... Что это к нам прилипло? Мы ещё все в корочках, бедненькие...

СВЕТА. *(громко, стараясь перебить Катю)* Бу-усенька моя! За-аинька! Тебя кололи, да? Коло-оли, сволочи!

КАТЯ. Попка с кулачок!

СВЕТА. А мы с причёской родились! Мы же красавицы, правда? Вот какие мы красивые девочки! У мамочки есть доченька!

КАТЯ. Ма-асик мой масенький!

СВЕТА. Зая, бери весь кружок сисечный, как нам тётя сказала! Как ей весь кружок впихнуть?

КАТЯ. Достань, потом опять дай.

СВЕТА. На, зая! На, дочура моя пусенькая!

КАТЯ. А на кого мы похожи? На маму! На папу! Мы ещё все сморщенные, ни на кого не похожие... Да? Да, сынуль?

СВЕТА. У нас глазки па-апины! Зелёные!

КАТЯ. У моего серые... Но у нас у всех серые!

СВЕТА. Ку-ку! Кто тут чамкает? Это моя сладкая девочка, пихулечка моя!

КАТЯ. Ой, мой тоже сильно пихался в животе, спать не давал!

СВЕТА. Вкусная сися? Вкусная! Мама булочку ела с орешками. Теперь доченька покушает!

КАТЯ. А твоя мама что ела, сынка? Тефтелю ела! *(смеётся)* Кстати тефтели здесь нормальные дают!

СВЕТА. А эта ненормальная, что, даже не разговаривает с ребёнком своим?

КАТЯ. Так она, слышала, что? Говорит, себе оставьте. Не могу я! Ну? Не может она.

СВЕТА. Даже не вышла! Даже не взяла ребёнка своего!

КАТЯ. Так она не может.

СВЕТА. *(взрывается, кричит, переходя на визг)* Хуля ты не можешь?! Хуля ты не можешь?! Я могу?! Ты можешь?! *(ревёт героически)* Мы можем!!! *(дочка начинает хныкать)* Прости, прости, котя...

КАТЯ. Правильно. Все могут.

СВЕТА. Надо в Минздрав сделать новый закон – чтобы все женщины проходили перед родами психдиспансер. Или нет, перед родами поздно, перед сексом надо...

КАТЯ. А как так сделать? Перед каким сексом? Перед первым или перед мужем? Как ты угадаешь, будет сегодня секс или нет? А если скажут – ненормальная, что – вообще нельзя? А если была нормальная, а стала ненор...

СВЕТА. Нет. Законы для того, чтобы их соблюдали!.. Что? Что, моя котенька? Бери, бери сисю.

КАТЯ. А мой вообще присосался! Ой, больно, сейчас откусит!

СВЕТА. Мужик!

КАТЯ. *(смеётся)* Так может, сразу бутерброд с колбаской? Хи-хи...

СВЕТА. Пива с шашлыками, скажи еще. *(Настороженно)* Ты смотри, мне тут одной смехопанорамы хватает *(кивает на койку с Кларой)*...

КАТЯ. Эх. Напомнила – и шашлыков захотелось. А в деревне хряк ждёт! И все ждут. Разъезтый, под центнер уже... В день выписки муж забить обещался. *(вздыхает)* Домой хочу.

КЛАРА. Привет, человеческий детёныш...

СВЕТА. *(настороженно)* Тсс... Говорит!

КЛАРА. Ешь, не спи. Или ты думаешь, тут бананы сами с пальмы в рот падают? *(смеётся тихонько)*

СВЕТА. Ты слышишь? Ну ты это слышала?!

КЛАРА. Нет, дружок. Здесь всего нужно добиваться самому.

КАТЯ. Я думала, таких отдельно где-то держат...

СВЕТА. Повезло нам, да? И телевизора не надо.

КЛАРА. И еду здесь все сами себе достают. Сосут, грызут, дерут. Охотятся. Работают. С едой всё сложно. Всю жизнь только и делаешь, что борешься за еду. И ты борись, не спи. Работай.

СВЕТА. *(нервно встаёт, вздыхает, идёт к кроватке)* Ой нет... Пойду на коридоре похожу... Заинька, мы покушкали с тобой, буся? Тогда поспим. *(кладёт дочь в кроватку)* Ой, что у нас там в подгузнике? Покакули? Покакуленьки нам мешают! Сейчас, сейчас... *(раскрывает подгузник, морщится)* Фу, детка, чем тебя там кормили?..

КЛАРА. Ты смотришь на меня? Нет, ты просто смотришь... Там было лучше, я понимаю. Понимаю, почему ты долго не хотел выходить. Ты знаешь, что ничего хорошего здесь. Добра не жди.

КАТЯ. Ну вообще. Реально недоразвитая.

СВЕТА. Ос-спади. Думала, хоть в роддоме от работы отдохну. Так нет же, и здесь они, уроды.

КАТЯ. А кем ты работаешь?

СВЕТА. Следователем. Каждый день, знаешь, сколько их доставляют, уродов разных? Ублюдков? И матери конченные. Вроде, посмотришь – женщина нормальная: волосы, одежда, муж – всё есть. Так - на тебе! – депрессивное расстройство.

КАТЯ. И что? Нельзя?

СВЕТА. *(с горечью)* Двоих детей с пятнадцатого этажа – конечно нельзя! Закон запрещает.

КАТЯ. Ужас какой...

СВЕТА. И знаешь, рассуждает спокойно так, с выражением. Вопрос-ответ, всё понятно. Говорит: «Они. Мне. Надоели».

КАТЯ. *(вздыхает)* Ужас, ужас... Покушал, маленький? *(кладёт ребёнка в кроватку)* Пойдём вместе, я тоже хочу на коридор выйти, походить.

СВЕТА. А дети одни останутся?

КАТЯ. Так ОНА здесь.

СВЕТА. А, ну да. Она же встать не может... Она же не может встать?

КАТЯ. Она - не может.

Уходят.

Сцена 6

Клара одна в палате, сидит, разговаривает по телефону, смотрит на своего спящего ребёнка. Дети Светы и Кати плачут в кроватках.

КЛАРА. Мама. Я боюсь. Ну чего. Не понимаешь? А вдруг у меня нету этого... Материнского инстинкта. Что это значит вообще? Ну как у всех? Да не у всех. И у зверей – не у всех, не правда. Говорят же – не работает материнский инстинкт. Может, это как у меня? Я же вообще не понимаю, кто это. Человек или креветка. Как он со мной случился. Что теперь делать. Я не

знаю, как его пеленать. На курсы... На курсы поздно уже ходить. И там, не думаю, что материнский инстинкт подключают. Услуга для абонентов сети. Вот у тебя, мама, был материнский инстинкт? Извини. Ну, тем более, если есть. Объясни мне, что это значит, конкретные примеры. Вот, я родила ребёнка... Покормить? Покормила. Конечно. И спать - уложила. Даже села покачала немножко. Мне уже лучше, могу сидеть и качать. Что всё?.. Все?! Покормить, спать положить - весь инстинкт? Нет, мама, не может быть. Не может, чтобы так примитивно, есть другое, важное. Типа ролевая игра. Поверить надо, как минимум. А я ведь не знаю, не понимаю, кто это. Кормлю, качаю... кого?! Смотрю и удивляюсь. А удивление такое... совсем не материнское... Кто здесь лежит, мама? Что ему надо от меня?.. Нормально?! Нормальная реакция на собственного ребенка?! Ты что говоришь такое? Я даже своей головой понимаю, что нет. Брось меня успокаивать. Это твой материнский инстинкт, наверно. Успокоить свою бусеньку. Пупсеньку сладенькую масеньку... Что? Кто.. в смысле - кто?! Бусенька-пупсенька кто? Это, как раз, что-то из нормальных материнских чувств... Что. Я - кто?! В смысле - ты тоже не знаешь?! Чего ты тоже не знаешь? Кто я, ты не знаешь? Я дочка твоя, Клара... Ты чего вообще... А-а, вот как! (*смеётся*) Да я тоже не понимаю, кто я, мама. Смотрю в зеркало каждый день – и думаю: хм, почему она, в смысле я, все еще здесь, со мной, в смысле «мной»... Мама, а вдруг это оттого, что ты, когда меня родила, смотрела и не понимала... Значит, и мой сын вырастет и будет думать в зеркало: а этот что здесь делает?.. Нормально? Ну с чего ты взяла, что это все нормально? Ну хорошо, ты тоже так живешь. Ты, я, он следующий – а все остальные? Кто-то в зеркало думает о бровях, о морщинах, о пигментации, еще о сексе, об успехе, может быть... Хотя да, можно ведь просто не думать... А тогда что они такое чувствуют когда мне... противное? Здесь вообще как на нарах, мама. Как в тюрьме, да. Кто там у них – паханы, авторитеты. Да, да, по понятиям. (*смеется*). Что здесь происходит... Это так странно, что я даже не обижаюсь. Ну что... Как тебе объяснить то, что я сама не понимаю... Они обзываются. Просто весь день поливают меня грязью. Но ведь мы на равных правах здесь, в одинаковой ситуации. В больнице, на продавленных койках, на диет-пайке из картофельных очистков. Порванные, слабые. Из нас течёт из каждой кровь. Мы все терпим муки, а нужно ухаживать за детьми... Как у них сил хватает – думать обо мне? Говорить обо мне? Вот что удивительно. У меня нет сил думать о них. И зачем?.. А ещё странное – знаешь что? Они говорят обо мне так, как будто меня нет. То есть, я лежу и слушаю: «Она сякая, растакая...» даже повторять не хочу. ОНА, понимаешь? А я лежу с ними рядом и слушаю, долго. Вот так. Что это значит, ты можешь сказать? Да, я тоже так решила – не отвечать. Не потому что дураки. Я даже думать не хочу – дураки они или нет. У меня очень мало сил. Да и не спрашивают же. Беседуют между собой. Я же не могу в чужую беседу вступать...

В палату влетают Катя и Света. Бросаются к своим плачущим детям, прижимают их к груди, с ненавистью смотрят на сидящую Клару.

СВЕТА. Что, бусенька? Тише тише, не плачь, мама здесь. Она подходила к тебе? Скажи, она подходила к тебе?!

КАТЯ. Чш-чш, агу-агу.

СВЕТА. Агу! Агушеньки!

КАТЯ. Всё нормально, соскучились просто.

СВЕТА. Сидит! Она сидит!

КАТЯ. Сидит – ещё не стоит, успокойся.

СВЕТА. Но сидит же! Сучка.

КАТЯ. Чш-ш... Агу! Агу?

СВЕТА. Агу, сладенькая...

КАТЯ. Узнаёшь мамочку? Мамочка пахнет едой!

Садятся на кровати, срочно прикладывают детей к груди.

СВЕТА. Вот моя доченька, вот моя масенькая! Покушкаем, понямкаем! Да, зая? Вырастем большие-пребольшие! А потом мамочка тебе всё расскажет, всё покажет – про снег, про дождь, про магазины... Ты же ничего не знаешь!

КАТЯ. *(сквозь чавканье младенцев)* Они когда спрашивать начинают, так сразу не ответишь. Всё время думаешь: сейчас или потом? Соврать или правду сказать? Когда старший рос – я мужа просила, не рассказывай ему про войну. Пистолеты купит – я спрячу. Так он что? В три года из ноги стрелял, из палки, что найдёт... Так вот думаю, может, они уже всё и без нас знают... Агу!

СВЕТА. Может, и знают, сказать не могут. Я вот только одного в жизни не знаю до сих пор. Откуда на земле уроды берутся. Уже третий день, только глаза продеру, первая мысль: что она здесь делает вообще?

КАТЯ. Кто - ОНА?

СВЕТА. Да, эта. Что она тут делает, с нами в одной палате. И вообще. Зачем такие плодятся.

КАТЯ. Вот и муж мне говорил тогда – надо рассказывать о войне сразу, но простым языком: что есть русские, немцы, свои танки, чужие. Чтобы ребёнок мог постоять за себя. Уродов же много, сама говоришь. Никуда от них не деться. Я потом посмотрела, что это бесполезно – и достала все автоматы со шкафа, отдала сыну. Какая разница, из ноги или из автомата.

СВЕТА. *(настороженно)* Вон, сидит. В окно смотрит. Конченная.

КАТЯ. *(вздыхает)* Только всех всё равно не перебьёшь. А только мирные люди страдать будут. Я всё равно думаю, это муж его научил, просто когда я не видела.

СВЕТА. А мы девочки! Мы будем с куклами играть, да? Барби-фея, барби-русалочка... Ха, ты прикинь, что видела? Барби-негритоска. Вообще охренели.

КАТЯ. Господи, да кто купит? Пусть бы в Африке и продавали для своих. В Индонезии какой-нибудь. Много же таких стран. А у нас – я не знаю, кто такое покупать будет! Ты помнишь у нас куклы были – большие, глаза закрывались-открывались. И коляски для них. Смешно – сами малые и своих малых в колясках возили, как бы...

СВЕТА. Нет, у меня сразу были барби, одежда, мебель, сапоги розовые. Потом мужчина появился – я раздевала их и клала друг на друга! (смеётся) Малая озабоченная!

КЛАРА. А мне мужчину не покупали. Я сама шила мужа для своей куклы...

Света и Катя, не оборачиваясь, замирают, каменеют в испуге. Пауза.

КЛАРА. Из капроновых колготок телесного цвета. Он, конечно, вышел корявый, но зато мягкий. Мог обнимать её, как хотел. Мне нравилось. Я потом даже и не хотела пластмассового. У него же ничего не...

СВЕТА. *(собирается с духом и перебивает Клару)* Агу-ушеньки!

КАТЯ *(бойко подхватывает, начинает энергично качать ребёнка)* Агу! Агу!

СВЕТА. *(жалобно)* Агу-у-у...

КАТЯ. Агу-агу! Агу-агу!

Агу.

Действие 2

Сцена 7

Палата, ночь. Клара сидит на койке, тихонько баюкает дитя, но ребёнок никак не может успокоиться. Катя и Света спят. Лунный свет.

КЛАРА. Глубоко, глубоко, в колодезе вода, глубоко... Глубоко, глубоко, под землёю руда, глубоко...

Катя вдруг поднимает руки, начинает их разминать. Разговаривает во сне.

КАТЯ. Рослая, сильная! Работящая женщина! Топор в руках держала по-мужицки. Чурочки ровные получались. Это в трещину зарубать надо или промеж сучков – каждый хозяин знает. А тут – женщина! Ноги расставит – и пошла колуном махать! Простая... На железной дороге работала – грузы пломбировала, контейнеры, или вагон помыть – копейка не лишняя... Потом на стройку пошла - на замазку. Потом льнозавод – там ленты прядильные распрямить, машину заправить, прочистить намотки... А лента всё идёт, идёт... Не дай бог обрыв пропустишь! Дояркой ещё работала. Все знали про неё, каждый рад был в хозяйстве помочь – женщина хорошая, это видно. Что не виноватая... Только она не просила никогда, ни какого человека – всё одна. В четыре встанет, десять соток выкосит, не вспотеет – вот крепкая порода! *(Вдруг начинает метаться, маяться)* А тут – на тебе, затупилась

вконец! Видать, время ей уже... Много служит. Поклепи, а? Так-то я и сама камнем каким подточу, бывает. А теперь камень не берёт - от времени сточилась... Не так, не так! Ты это брось! Ну как можно, Григорий! Оставь! У меня грамота почётная – за добросовестный труд! Ты пойми! Активистка я колхозная, трудящимся - пример! Не до нежностей! (*затихает*) Постой, ладно, сама, сама... Григорий. Ну как же так... Мы же с тобой... одну войну прошли. А ты всё на ветер глядишь... Табор вернётся –приду я в пустую кузницу... (*смеётся игриво*) А зачем пришла-то, помнишь? Ты косу поклепи потом... (*кричит*) Одного прошу, слышишь?! Косу поклепи-и!

Плачет ребенок

КЛАРА. Глубже того, мои скорби, глубже того. Глубже того моя тоска, глубже того. Глубже того моя печаль, глубже того...

КАТЯ. (*сдавленно*) Постель ее тяжелая. Посидели, поплакали о своём... Ставни в хате закрыты. Но трава всегда скошена. Не пустили на похороны ни сельчан, никого. Чтоб никто даже не знал, где лежит. Один он там был, стоял под дождём, не плакал вроде... Охранники, конечно. Но людей никого не было. Только сын. Тоже понять можно! Сейчас и венки с могил воруют, и памятники, черный мрамор – сдают куда-то, перепродают. Ничего святого! Ну и простые люди, что плохо относились к нему. Порода, мол, цыганская. Да разве всем мил будешь? У каждого своя правда. Мать-то не виновата. Пусть мать спокойно лежит... Он охранникам сказал отойти, в стороне ждать. Сам наклонился, вроде ленту поправить... (*громко, басом*) Мама, ты что, веришь, что я украл что-нибудь?.. За мрамор взялся. Плачет, нет? Смурной... Сынка, ты здесь? Что скажу, послушай. В большом и малом иди по-среднему. Это вернее всего. На Бога надейся, на руки. Что мы с тобой корову доили вместе – руками, помнишь? Сейчас, поди, все только кнопки нажимают. Да? Ты нашим цехам аппараты ставил уже? Где я работала? А?.. Я всегда честно работала, сынка. Всю жизнь. Грамота у меня почётная – «За добросовестный труд». И в газете тогда напечатали... Сейчас тоже напечатали, вот: «О смерти матери главы государства стало известно в связи с сообщением об отмене делового визита в Пакистан». И ещё такое: «Вместе с сыном доила коров руками». (*смеётся*) Что сынка, смеёшься? Глупая мамка, смешная тебе? Ну конечно, ты привык! Про тебя каждый день – и телевизор, и газеты... А мне две строчки – уже радость! Не смейся... Лучше вырежи – наклей. Стоит альбом, за посудой – красный, бархатный, видишь? Я туда наклеиваю. Там фотографии, и грамота моя, и про тебя тоже - всегда вырезаю из газеты...

КЛАРА. (*успокаивает ребёнка*) Чш-ш... Широко, широко, разлилась река, широко. Широко, широко, разлеглись поля, широко. Широко, широко разбрелись луга, широко...

КАТЯ. Она ему победы не желала! Хотела просто вернуться домой, с ним. Тосковала сильно, телевизор все щелкает, и щелкает, щелкает, и щелкает. Так

затосковалась, что стала хвора. Будто бы ящик этот забрал самое дорогое, всю жизнь забрал. Теперь там всё, по телевизору... Вот, вышел он в поле, землю щупает, колосы. Начальники, колхозники стоят рядом. Ждут – когда он все колосы перещупает и скажет людям их будущее. Смотрят за руками - и от страха сами страшные становятся... *(кричит)* Да они же не любят его!!! *(обрывается всхлипом)* Потом дремала, ей снились эти передачи. Снилось, что сама на поле, рядом. Вместо тех, которые не любят...

КЛАРА. *(безуспешно качает ребёнка)* Шире того – свет благодати, шире того. Шире того моя радость, шире того. Шире того моя любовь, шире того...

КАТЯ. Бывало, день стоишь на заводе - пакля идёт, идёт волокно. Ноги под конец смены, что те цилиндры вытяжные, ворочаю как-нибудь. Вечером приду, ладошки махонькие - в свои, большие, положу... Ну что эти руки возьмут у вас? Не смешите. Чужого не брал никогда... Тебе зачем это, сынка? Поехали домой. *(кричит жалобно)* Вот не выберут тебя – и домой поедем!..

Плачет ребенок.

КЛАРА. Чш-ш-ш...

КАТЯ *(шепотом)* Возле дома мерседес дорогой с черными стеклами. И корову, говорят, видели...

КЛАРА. Чш-ш... Я всё знаю, я знаю, ты не принадлежишь мне, ты принадлежишь жизни. *(начинает очень динамично качать, поёт)* Наш паровоз вперёд летит – в коммуне остановка... Ты же сам меня выбрал, да? Мы с тобой обязательно подружимся, я знаю!... *(продолжает петь)* Другого нет у нас пути – в руках у нас винтовка! *(смеётся)* Ой, ты заснул? Ты правда заснул? Так вот, тебе какие песни нравятся...

Клара кладёт ребёнка в кровать, сама встаёт и подходит к окну возле Светиной кровати. Задумчиво смотрит на полную луну. Света вдруг поднимает напряжённо руки, растопыривает пальцы. Говорит во сне.

СВЕТА. Убедительная просьба воздержаться от участия в несогласованном мероприятии. Мероприятие незаконно! Немедленно разойтись! Вы нарушаете действующее законодательство! Приняты меры по недопущению дестабилизации. Наша задача – обеспечить безопасность для свободного волеизъявления граждан. Уже предупреждён ряд диверсий. Все подразделения работают в усиленном режиме. Центральные станции временно закрыты. От конечной до конечной, по расписанию! Деяние-нарушение! Деяние - нарушение! Взыскание базовых величин! Убедительно просим граждан абстрагироваться, это облегчит работу избирательной комиссии. Сохраняйте спокойствие! Приступаем к выполнению своих непосредственных функций!

Клара пробует опустить напряженные Светины руки. Света начинает активно сопротивляться.

СВЕТА. К вам будут применены специальные средства. Палки специальные! Средства ограничения подвижности! Средства принудительной остановки!

Клара оставляет ее в том же состоянии и возвращается в свою кровать. Тишина. Несколько минут в ней ещё звенят эхом тревожные сны Кати и Светы. Постепенно ночь приходит в равновесие. В палате все спят. Неожиданно Клара начинает храпеть. Сначала тихонько, потом всё громче, резче. Храп будит Свету.

СВЕТА (*бормочет*) Что это? Это она, что ли? Ты слышишь? Катя, спишь? Как ты можешь спать! Я не могу спать! Да что ж такое. Теперь ещё и храпит. Уродка полная. Охренела вообще. (*кряхтя, сползает с кровати, подходит к спящей Кларе*) Ты охренела?!

Клара не реагирует. Света со всей силы лупит ногой железную койку. Койка гремит. Клара всхрапывает.

СВЕТА (*визжит в истерике*) Я тебя сейчас выкину за дверь, сучка! В коридор выкину! Тебя и твоего ребёнка! Будешь в коридоре лежать! Дай нормальным людям поспать нормально, ты, уродина! (*начинает трясти Клару*) Не храпи, сучка! Не храпи! Я тебя выкину сейчас! Ты что, вообще не соображаешь... (*плачет*)

КЛАРА. (*просыпается, резко*) Что? А? Храплю? Я не специально, извините меня. Простите...

СВЕТА. (*плачет*) Здесь же дети, тварь ты! Дети спят...

КЛАРА. (*шепотом*) Чш-ш... Они сейчас ничего не слышат. Новорожденные ничего не слышат.

Сцена 8 Сон младенца.

Автастанция небольшого захолустного посёлка. Зал ожидания. Коричневые плесневые подтёки на потолке, лампочка ильича, стены пастельно зелёного тона. Разбитое и склеенное скотчем стекло, касса закрыта, висит объявление от руки. Густой затхлый воздух, в котором вязнут все звуки. На лавке лежит мужчина. Этот - не мёртвый, он спит. С его стороны больше никто не хочет садиться, все другие ожидающие группируются на лавках напротив, по гендерному признаку. Обычные люди. Несколько молодых женщин у противоположной стены. У стены сбоку пожилой мужчина с газетой и парень в вязаной ушанке. Спящий мужчина стонет, резко и неуклюже, как неваляшка, переходит в сидячее положение, медленно и

мутно оглядывает всех сидящих. Взгляд его останавливается на мужчине с газетой.

АЛКАШ. Читатель! Ты зачитался, бляха. Сильно умный, хочешь чтобы я смотрел, какой ты умный здесь сидишь. Чё, азбуку выучил? Все тридцать два? Читаешь теперь. Читай-читай. Читатель... Нет. Ты не читатель. Ты голубой, точно. *(парню в ушанке)* А ты лётчик, бляха! Ну точно лётчик. В шлеме. Э, голубой. Щас выкину твою газету и порву. А ты следом полетишь, ты ж лётчик, бляха... Что ты там всё читаешь? Читает сидит... Да ты хоть знаешь, кто перед тобой? С кем ты разговариваешь? Я сам школоту драл! А что? И учил! Как надо! Механизация тракторных агрегатов! Не веришь мне? Да ты никому не веришь! Ты ж у нас грамотей! ...Трансмиссия предназначается для передачи крутящего момента от двигателя к ведущим колесам для изменения вращения ведущих колес без изменения вращения двигателя... Ты понял? Да ничё ты не понял, ты ж голубой! О, о, читает... Тс-с. Точно, голубой! Что тебе пишут, голубой? Ты вслух мне почитай! Слышишь, голубой? Голубая газета! Газета голубая! ДЕД *(наконец, не выдерживает)* Мужик, ты запутался. Перестань! У меня сын пенсионер, уже два года на пенсии...

АЛКАШ. Фу ты – ну ты! Не, ну видали такого? Говорящий голубой! Да чтоб ты знал, я немцев помню! Всех, до одного... *(поёт немецкий марш)* Вас волен вир тринкен зибен таге ланг! Вас волен вир тринкен зо айн дурст... *(преображается, пытается встать)* Der Tod reitet auf einem lichten Schimmel, Schön wie ein Cherubin vom Himmel, Wenn Mädchen ihren Reigen schreiten, Will er mit ihnen im Tanze gleiten. Falalala, falalala!³ *(с неудачным танцевальным движением падает опять на лавку, обмякает)* Ну. *(женщинам напротив)* А эти чего? Молодые все. Здесь все молодые. *(ложится, бормочет)* Вот эта в окно смотрит, ждёт чего-то. Чего ты ждёшь, не приедет твой автобус. Я его отменил... Молодая! Слышишь?.. Всё равно, в окно смотрит. Вот манда. *(засыпает)*

Сидящие в зале сохраняют полную невозмутимость, и даже не двигаются. Тишина. В зал заходит крупная тётка в шапке-горшке, белого цвета. Осматривается, садится на женскую сторону.

ТЁТКА. На Сушчова ці быў?

ЖЕНЩИНЫ. Не, не было.

ТЁТКА. А вы на Сушчова?

ЖЕНЩИНЫ. Да, да.

³ Смерть скачет на белой лошади, прекрасна, как небесный херувим. Когда девушки водят свои хороводы, она хочет следовать с ними в танце. Фалалала

Спокойствие сохраняется ещё несколько секунд, потом наступает новое Пробуждение.

АЛКАШ. Что вы... Здесь ещё все? Я ж вам сказал. Автобус не придёт. Я договорился. Больше автобусов не будет. Это я вам говорю! У меня даже билета нет. Идите домой все. Уходите. Больше никто никуда не поедет! Я всё отменил. Не верите? Все ваши билеты отменил. Вы хоть десять билетов купите – никто никуда не уедет отсюда! Хоть тридцать! Вы что думаете, раз билет купили – так можно уехать? Не верите мне? Ну тогда сидите, ждите. Посмотрю я на вас! *(садится, сплетает руки, с довольным лицом оглядывает сидящих в зале)* О! Кто тут? *(замечает тётку в шапке)* Палестинка! Да-да, ты! Смотри на меня, палестинка! Шапка у тебя белая, я узнал. Ты ж палестинка. Я сам из Палестины. Вернулся только. РЛСП – 12 – слыхала? Советский радар, здоровенная хреновина. Так вот, это не евреи! Тсс, он у меня. Петушиный десант, бляха, в глубоком тылу... Пусть не гундят! Это я на зиле радар оттащил! Ты скажи своим, слышишь? Палестинка... Что он у меня... *(засыпает сидя)*

Ненадолго наступает тишина. Удивлённая тётка оглядывает всех сидящих, но никто не встречается с ней взглядом. В зал входит сгорбленная маленькая старушка.

СТАРУШКА. *(в пустоту)* На Сушчова?!

ЖЕНЩИНЫ. Не было ещё.

СТАРУШКА. Не?

ЖЕНЩИНЫ. Сущёво!

СТАРУШКА. А?

ЖЕНЩИНЫ. Ещё не было!

СТАРУШКА. А дзе на Сушчова?

ЖЕНЩИНЫ. Здесь!

Старушке уступают место, она садится. Кривыми пальцами достаёт приспособленный для вторичного использования, пакет из-под молока, шумно разворачивает. В пакете вперемешку - раскрышенный белый хлеб и копейки. Старушка выбирает кусочки хлеба, ест. Шуриание пакета будоражит Алкаша, он начинает ворчать, не выходя из дрёмы.

АЛКАШ. Уйдите... Налипли, твари... Боюсь я вас? Ничего я не боюсь. Знаю, зачем вы пришли. Убивать будете – убивайте. Или уйдите, видеть вас не хочу! Твари безногие, со всех сторон... Вот я! Здесь ползи, сюда смотри! Чего ждёшь? Кончай уже! Э-э-э... *(закрывает лицо руками, плачет)* Больно, мне больно... *(открывает лицо, мутными глазами находит старушку, спокойно жуящую хлеб)* Слышишь, мать? Больно мне. *(старушка теревит пакет с копейками, выбирает из них последние крошки хлеба, подносит*

жменю ко рту) Ты чего, мать? Ты там молишься что ли? Ты это брось, слышишь? Ты кому молишься? Вот он я, твой бог! И твой, и твой, и твой... *(тычет пальцем)* Бляха, забыл, ты ж палестинка. У тебя свой есть. А ты голубой вообще. Голубому бог не нужен.

ДЕД. Мужик! Ты меня достал! Напился – лежи спокойно. Скучно лежать – потруби себе в жопу! За что ты людям жить мешаешь?

ТЁТКА. Давайте милицию вызовем – пускай унесут его, в вытрезвитель!

АЛКАШ. А ты, лётчик, что молчишь? И тебе бог не нужен? На проводах повиснешь, как этот... дебошир, бляха... Чкалов!

ПАРЕНЁК. Иди на хуй.

ЖЕНЩИНА. Кто-нибудь знает его вообще? Где его родственники живут?

ТЁТКА. Да в милицию звонить – и всё.

ЖЕНЩИНА *(старушке)* А вы из этой деревни?

СТАРУШКА. А?

ЖЕНЩИНА. Где вы живёте?

АЛКАШ. Мать! Ну хоть ты мне веришь?

ЖЕНЩИНА. Вы его мать?

СТАРУШКА. Что ты! Что ты! Чу!

Старушка начинает смеяться. Смеётся долго и заразительно, но никто не поддерживает - все напряжены. Потом замолкает, встаёт. Направляется к Алкашу. Тот, уплывая, медленно кренился на бок. Бабка непослушными руками расправляет его ладонь и высыпает в неё содержимое молочного пакетика – горсть копеек.

СТАРУШКА. *(орёт ему в ухо, очень разборчиво)* Ляжь, поспи! Цябе забьюць! *(наклоняет его дальше, укладывает)*

Слышен шум мотора подъехавшего автобуса “Суцёво”. Ожидавшие вскакивают с мест, и срочно эвакуируются. Последней выходит Старушка. Алкаш остаётся спать на лавке, крепко зажав в кулаке 30 копеек.

Сцена 10

Палата. Света стоит у окна, наклеивает мылом на стекло снежинки. За окном – серый день, слякоть. На голых чёрных ветках качаются под ветром сморщенные шарики, обрывки лент. Сегодня никто не родился. Катя стоит возле кровати Клары, в напряжении смотрит на её ребёнка – он спит, лёжа на краю. Самой Клары в палате нет.

КАТЯ. *(подкручивает «бортиком» край одеяла возле спящего ребёнка*

Клары) Дура, ну как можно было вот так ребёнка на краю оставить – и уйти?!

СВЕТА. Кончита. Ещё и храпит. Хоть бы головой подумала – дети спят, ну.

А она храпит себе, ей по хрен.

КАТЯ. Не, мой спал – не проснулся. Я тоже не слышала. Что, сильно храпит?

СВЕТА. Я тебя сегодня разбужу – сама послушаешь. Вообще невозможно!

Просто спать невозможно! Она ещё издевается – говорит: извините.

КАТЯ. Думаешь, она специально?

СВЕТА. Конечно, специально! Просто хочет здесь всех до истерики довести.

Просто ей вообще по хрен на всех.

КАТЯ. Мой муж тоже сильно храпит, я его бужу постоянно и переворачиваю – он тогда не храпит. Давай скажем ей, чтобы спала на боку.

СВЕТА. Ну это ты сама говорить будешь, я с этой кончитой не разговариваю.

КАТЯ. Я тоже не разговариваю, но сказать-то можно. А вдруг она не специально храпит?

СВЕТА. Вот и скажи.

КАТЯ. Скажу.

СВЕТА. (*нервно натирает мылом снежинки, расправляет мятые на стекле*)

Господи, а ведь через два дня Новый год...

КАТЯ. Что там, дождь на улице?

СВЕТА. Дождь, да, ливень. А нам здесь, в палате Новый год встречать. С этой даунихой.

КАТЯ. Не спрашивала, когда выпишут?

СВЕТА. Спрашивала. На седьмой день. Значит, второго утром.

КАТЯ. Ну ничего, не расстраивайся.

СВЕТА. Что? Не расстраивайся? Как я могу не расстраиваться?! Как Новый год встретишь – так и проведёшь...

КАТЯ (*смеётся*) Ха-ха! Ну она же к тебе жить не пойдёт после больницы!

СВЕТА. А что, ты говорила, у неё даже мужа нет?

КАТЯ. Да, я подслушала в родзале, как заполняли карту. Не замужем.

СВЕТА. У кого ж поднялось вообще на такое.

КАТЯ. Да им-то какая разница.

СВЕТА. Это точно. Кто-то и со свиньёй может, и с козой.

КАТЯ. Ну не совсем так! Она же человек...

СВЕТА. Человек?! Это человек – ты называешь? Да ей же по хрен на всех!

Рубашка вся в крови, и ссаная! Не причешется, не накрутится, как нормальная женщина. В столовую не ходит со всеми, ест одна. Ест одна! Что

это за человек, который ест один?! Что такой человек может сделать? Я

видела, как едят на зоне, кто там ест один... Ты понимаешь?! Мы же когда

едим – мы думаем, когда думаем – разговариваем! А она? Ты слышала, что

она по телефону говорит? «Мама, здесь не санаторий» - она говорит!

КАТЯ. Ну. И ребёнка на край положила, дура...

Клара входит в палату. Замечает, что Катя стоит возле кровати, не сводя глаз с её ребёнка. Медленно подходит к ней. Катя испуганно смотрит на Клару.

КАТЯ (*сдерживая волнение*) Ты ребёнка на край положила. Я смотрю, чтобы он не упал. Вот, одеяло подвернула хотя бы. Ты ребёнка на край не клади, слышишь?

КЛАРА. Спасибо. (*двигает ребёнка от края*) Дети такого возраста не умеют переворачиваться.

КАТЯ Может, твой умеет.

КЛАРА. Мой такой же, как все.

КАТЯ. (*наблюдает, не уходит*) Пусть он в своей кроватке спит. Там решётка.

КЛАРА. Ему там не нравится.

КАТЯ. Откуда ты знаешь?!

КЛАРА. Ну... знаю. Он там плачет

КАТЯ. Надо, чтоб привыкал.

КЛАРА. Привыкнет, раз надо. Спасибо. (*вопросительно смотрит на Катю, Катя не уходит*)

СВЕТА. (*шипит*) Скажи ей.

КАТЯ. Ты храпишь ночью, ты знаешь?

КЛАРА. Теперь да. Здесь кровати неудобные. Извините меня.

КАТЯ. Спи на боку, ладно? (*быстро уходит, будто ей вслед что-то летит*)

КЛАРА. Хорошо, буду спать на боку. Извините меня. Спасибо.

Слышится голос из коридора – звук появляется из недр больницы, постепенно приближаясь, становится громким, потом опять теряется вдалеке.

ГОЛОС ИЗ КОРИДОРА. Кефир! Кефир! Кефир! Кефир! Женщины! Кефир! Идите на кефир! Всем кефир! Женщины! Кефир! Кефир! Женщины! На кефир...

Катя и Света, с хмурыми лицами, направляются к дверям. Останавливаются.

КАТЯ (*КЛАРЕ*) Ты идёшь?

КЛАРА. Нет, спасибо.

КАТЯ. Там нормальный кефир.

КЛАРА. Я не хочу, спасибо.

Катя и Света выходят, за дверью слышен голос Светы.

СВЕТА. Пожалуйста, блядь. На здоровье.

Клара остаётся одна. Пробует уложить ребенка на отведенное ему место.

КЛАРА. (*аккуратно, чтобы не разбудить, опускает ребенка за решетку*)

Привыкнет?.. (*ребенок начинает хныкать, Клара достает его – ребёнок тут*

же затихает) Не привыкнет. Привыкнет?.. *(пробует опять, с тем же результатом)* Не привыкнет. Не привыкнет!.. *(вздыхает)*

Сцена 10
Сон младенца-2.

Берег моря. На песке лицом вниз лежит мужчина - видимо, мертвец. Неспеша к нему подходят двое полицейских. Один молодой, другой – зрелого возраста. Говорят по- турецки.

СТАРШИЙ. Вот он.

МОЛОДОЙ. Он всё время здесь лежит?

СТАРШИЙ. Нет, его уносят и хоронят.

МОЛОДОЙ. А как он...

СТАРШИЙ. Потом опять появляется, через год. В такой же день.

МОЛОДОЙ. Да как же?! Он же мёртвый.

СТАРШИЙ. Вот чёрт его знает. Каждый год, в один и тот же же день.

МОЛОДОЙ. И много раз уже так было?

СТАРШИЙ. Я же говорю, я уже двадцать лет за этим слежу. Двадцать лет подряд прихожу сюда в один и тот же день – и он здесь лежит. Теперь я ухожу, и следить за этим будешь ты.

МЛАДШИЙ. А что конкретно нужно делать?

СТАРШИЙ. Убрать его. Унести и похоронить опять. Я покажу, где его могила. Там памятник.

МЛАДШИЙ. Я не понимаю. А вы смотрели могилу? Что с ним происходит в могиле?

СТАРШИЙ. Всё, как с обычным трупом. Учёные вели наблюдения.

Единственно, что это происходит очень быстро. За год он разлагается полностью. И опять появляется целый, здесь, на берегу.

МЛАДШИЙ. А кремация?

СТАРШИЙ. Что кремация? Что кремация?! Думаешь, ты самый умный? Да всё перепробовали уже.

МЛАДШИЙ. А почему именно в этот день?

СТАРШИЙ. Это день, когда он появился в первый раз. Когда его вынесло море. Он тогда ещё был совсем ребёнком...

МЛАДШИЙ. В смысле?

СТАРШИЙ. Ну да, двадцать лет назад он был ребёнком. И каждый год он менялся, вырослел. Каждый раз это был тот самый труп, но повзрослевший. Теперь, как видишь, это молодой мужчина.

МЛАДШИЙ. Кто это вообще? Что с ним произошло? Кто-нибудь знает?

СТАРШИЙ. Ты молодой, ты не знаешь. Это Айлан. Мальчик сплавлялся на пароме со своей семьёй. Они бежали из Сирии, из осаждённого города. Сюда прибывали тысячи людей. И живых и таких, мёртвых. Их судна не выдерживали, море приносило тела.

МЛАДШИЙ. Просто беженец? Я думал, святой... Но почему Аллах не берёт его?

СТАРШИЙ. Как я могу ответить на твой вопрос? Аллах не отчитывался перед нами. Всё, что мы можем делать в этой ситуации – мы делаем. Каждый год хороним парня заново.

МЛАДШИЙ. Но ведь он продолжает взрослеть? Что будет, когда он станет стариком? Он же не может умереть, он и так мёртвый...

СТАРШИЙ. Ты сам понимаешь, что ты несёшь? Он умер мёртвым уже двадцать раз, каждый год в один и тот же день, он умирает мёртвым.

МЛАДШИЙ. Но это не по-настоящему...

СТАРШИЙ. Если мёртвый может взрослеть по-настоящему, почему бы ему не умереть, наконец, по-настоящему - от старости? Если честно, мы все ждём именно этого. Возможно, как раз, в этом и есть задумка Аллаха – чтобы парень просто прожил свою жизнь.

МЛАДШИЙ. Но он же мёртвый.

СТАРШИЙ. Хотя бы мёртвым.

МЛАДШИЙ. А если он родится опять?

СТАРШИЙ. *(хлопает младшего по плечу, радостно усмехается)* Ха-ха. Вот и узнаешь! Это уже твои полномочия, принимай! Давай помогу. За ноги бери, я – под руки...

МЛАДШИЙ. Подождите, подождите! А может быть, он не хочет...

СТАРШИЙ. Чего мертвец не хочет?

МЛАДШИЙ. Чтобы его хоронили здесь. Может, пусть отправляется домой?

СТАРШИЙ. Он бежал из дома – там война.

МЛАДШИЙ. А вы пробовали?

СТАРШИЙ. Да, мы бросали его в море.

МЛАДШИЙ. Нет, не так. Давайте положим его в лодку и пусть плывёт. Хочет – домой, хочет... Он вообще куда собирался?

СТАРШИЙ. *(задумался)* Они плыли в Грецию...

МЛАДШИЙ. *(отвязывает лодку неподалёку, кричит)* Вот и пускай плывёт в свою Грецию! Ха-ха! *(радуется собственной идее)*

Полицейские кладут тело в лодку, толкают её от берега. Долго машут вслед. Лодка медленно движется к горизонту.

Сцена 12.

Столовая. Полдник. Много бледных женщин в застиранных халатах стоят и сидят с белыми стаканами. Прибывает и убывает очередь к подносам. На одном – полные стаканы, на другом – пустые. Мерный гул разговоров.

ЗАЯ. Какие-то сны снятся странные. И состояние после них, как будто не спала. Все какие-то базары, я там ищу продукты питания. Чужие квартиры-я

в них живу, чужие люди мне что-то предлагают. И что я куда-то спешу, чего-то хочу, не знаю сама - чего. Может, послеродовое...

МАЯ. Это ещё ничего. Вот мне иногда снится такое, чего никогда не было и не могло быть! Например, вся комната в лягушках и змеях... Но такого не могло быть и никогда не будет. Почему это снится? Или квадраты черно-белые рябить во сне начинают, мне становится страшно и я просыпаюсь...

РАЯ. Это кошмары.

МАЯ. Ещё железная трава ...

ЗАЯ. У меня тоже были кошмары! Когда через окно лезли огромные куклы и хотели меня забрать!

РАЯ. Вот мне снился настоящий кошмар! Иду по улице, а вместо улицы - тупик. Я поворачиваюсь и вижу стаю собак, без шерсти, кости видны, и кожа с пятнами. Они просто медленно идут, ровным строем, и слюни капают, ярко-синие почему-то...

ТАЯ. Девочки, запомните! Если страшное во сне увидели, надо сказать: «Куда ночь – туда сон! Куда ночь – туда сон!».

РАЯ. В смысле? Куда?..

ТАЯ. Куда... Какая разница? Просто пусть уходит. А если нравится – тогда так говорить не надо, пусть этот сон остаётся...

РАЯ. В смысле – где?..

МАЯ. А знаете, что? Мне однажды Путин снился.

ЗАЯ. Пу-утин? Расскажи!

МАЯ. Что я с ним в машине еду.

РАЯ. А куда ехали?

МАЯ. Никуда, катались просто. По шоссе гнал, как бешенный, и перестраивался постоянно, и ещё говорит: «Смотри, как я умею! Смотри, как я умею!»...

ТАЯ. Если снятся известные люди - президенты, артисты - и ты с ними как бы дружишь во сне, это значит, тебе не нравится твоя жизнь, то место, которое в ней занимаешь. В журнале психолог один разъяснял.

РАЯ. (*раздражённо*) Слушай, кому не нравится его жизнь – пусть ему снится его смерть. Мне всё нравится.

МАЯ. А что. Ничего такого. Моему брату, например, с детства снится его смерть! И он говорит, что уже к ней привык. Это же хорошо, когда человек привыкает! Ему потом не страшно...

ЗАЯ. Послушайте, послушайте! Однажды мне снится такой сон. Что я - пустыня. А где-то в районе пупа у меня стоит белый домик. И мне во сне кажется, что-то важное случилось, я что-то очень важное поняла...

Поднялась среди ночи, чтобы не забыть, записала... А утром читаю: "Кожура больше банана". Аха-ха-ха-ха!

МАЙЯ. Ой, а у меня тоже такое было. Только я написала: «Все что ели сиамские близнецы, попадало в один желудок»!

Женщины дружно, свободно смеются.

Сцена 13.

Света перед закрытой дверью палаты № 7. Не решается войти, оглядывается по сторонам. Наконец, стучит.

ГОЛОС ИЗ-ЗА ДВЕРИ. Кварцевание.

Света переминается с ноги на ногу. Приоткрывает дверь – из щели бьёт агрессивный фиолетовый свет.

ГОЛОС ИЗ СВЕТА. (*сердитый*) Не ходите! Кварцевание! Сказала же!

Света быстро хлопывает дверь. Собирается с духом и открывает дверь опять – медленно и широко. Стоит на пороге, её полностью заливают фиолетовый свет.

ГОЛОС ИЗ СВЕТА. Женщина! Вам не понятно?! Выйдите, закройте дверь!

Света не уходит, стоит в проёме распахнутой двери, отдавшись свету кварцевания. Через минуту в пятне света проявляется силуэт.

СИЛУЭТ. Что вам нужно? Забыли что-нибудь? Скажите – я подам.

СВЕТА. Эта палата свободна?

СИЛУЭТ. В смысле? Вы же тут одна.

СВЕТА. Здесь лежит кто-нибудь?

СИЛУЭТ. Кто вы? Это не ваша палата?

СВЕТА. Нет, я со второй. А здесь лежит кто-нибудь?

СИЛУЭТ. Здесь сейчас кварцевание!

СВЕТА. Я хочу в эту палату – она свободна?

СИЛУЭТ. Кварцевание, женщина! Потом зайдёте. Тут что, подруга ваша лежит? Не понимаю.

СВЕТА. Нет. Просто я хочу в эту палату. Хочу, чтоб меня сюда перевели.

СИЛУЭТ. Это палата на одного человека, она платная! Она оплачена!

СВЕТА. Сколько мне заплатить?

СИЛУЭТ. (*начинает нервничать*) Нисколько, женщина! Нисколько! У вас психоз, что ли?

СВЕТА. Нет. Скажите, сколько мне надо заплатить. Я ВАМ заплачу.

СИЛУЭТ. Палата занята! Вы не понимаете?

СВЕТА. Я больше заплачу, я ВАМ заплачу! Переведите меня! По-человечески вас прошу! Мне очень нужно. Вы же можете, вы знаете, как...

СИЛУЭТ. Как?! А куда я человека дену?!

СВЕТА. Скажите: крысы, санстанция, утепление окон – придумайте что-нибудь, умоляю! Я больше не могу, понимаете? (*сдавленным голосом*) Мне там... страшно.

СИЛУЭТ. Идите на пост - успокоительные вам сделают. Это послеродовое у вас.

СВЕТА. Я заплачу, сколько нужно. И две цены, и три цены...

СИЛУЭТ. Ради бога, женщина! Тут у каждой второй психоз! А у меня Лучи уходят! Закройте дверь!

Света медленно закрывает дверь.

Действие 3

Сцена 14

Катя, Света, Клара в палате. Клара сидит на кровати, кормит ребёнка. Света и Катя – отвернувшись, сплотившись, как воробышки, сидят у окна. На экране пасмурного неба за окном – медленная история сухих порошинок снега. На стене скотчем криво прикреплена выцветшая гирлянда-«гармошечка». Катя слушает из телефона армейский фольклор, шмыгает носом.

... Ой, мама, смотри, что-то падает, похожее на одуванчики?" Женщина улыбается: "Это, сынок, десантники. "Ой, мама, смотри, что-то падает, похожее на одуванчики?" Женщина улыбается: "Это, сынок, десантники"...

СВЕТА. Плачешь что ли? (*Катя всхлипывает*) Ну что ты плачешь, как будто уже повестка пришла!

КАТЯ. Дети быстро растут. Не успеешь оглянуться...

СВЕТА. Успеешь, зайка! Ты ж только родила.

КАТЯ. Я малому старшему говорю: Малой, ну когда ты уже вырастешь? А он мне отвечает: Ты мамка, станешь старенькая – и я сразу вырасту...

(*переключает трек*)

...Здравствуй, мама, вот опять пишу письмо. Здравствуй, мама, все, как прежде, хорошо. Светит солнце, все нормально у меня. А в горах стоит туман. Мать не знает, как бывает трудно нам. Мать не знает, как мы ходим по горам. Как проходят нашей юности года. В Дагестане, где идет война...

СВЕТА. Ну уж нет! Пятьдесят лет что ли ждать?

КАТЯ. Это я могу и пятьдесят лет ждать. Я могу и сто лет ждать. И ждать и ждать. Сначала ждёшь, пока они научатся – ложку держать, ходить, говорить, одеваться, писать стоя. В школу отправила – считаешь: первый класс, пятый, девятый...

...Под шум и взрыв гранат, и трассеры летят. И от разрыва вся дрожит земля...

Потом из училища допоздна ждёшь – думаешь, а может, женится? А вот, уже из армии встречай! Руки-ноги-голова – весь цел! Дождалась?.. Так нет же! Всё равно, ждёшь - пенсию, внуков... Всегда в жизни есть, чего ждать. Утром просыпаешься и думаешь: что на вечер приготовить? В понедельник думаешь – к кому в пятницу пойти? Зимой думаешь – скорей бы потеплело. Всё, и проносится! А ты говоришь – успеешь! (выключает музыку) Сын ждать не будет, он быстрее вырастет. И тогда я пойму, что стала старенькая...

СВЕТА. Откуда ты знаешь, как будет?

КАТЯ. Я привыкла ждать – и я знаю. Не так – значит, эдак. Как-нибудь будет. Помню, моя мама нас тоже так растила – ждала всё, ждала, одного за другим... Не старела!

СВЕТА. В смысле?

КАТЯ. Детей много - одного на ноги поставил, другого за руку ведёшь. Ждёшь. Значит, молодой ещё, пока есть чего ждать.

СВЕТА. Не люблю ждать. Я только один раз в жизни очень сильно ждала – что замуж выйду.

КАТЯ. Ребёнка ещё?

СВЕТА. Ребёнка не так долго. А свадьбу – с детства, сколько себя помню...

КАТЯ. И что потом?

СВЕТА. Потом свадьба, что ж ещё! Шикарная свадьба! Мы заказывали, чтоб как в сказке – свадьба в стиле принцессы «Дисней». Карета с факелами, кольцо в хрустальной туфельке, фонарики... небесные... (шмыгает носом) И, суки, торт с микки-маусом. Ну ничего, вкусный был.

КАТЯ. У нас в деревне, конечно попроще всё. Главное было всех накормить-напоить. Ты что, плачешь?!

СВЕТА. Нет, нет. (*проглатывает слёзы, собирается*) Ну и правильно, что попроще. Я сейчас думаю – зачем мы столько денег угрохали? Теперь – то, что хорошего?

КАТЯ. Где что хорошего?

СВЕТА. Да мы с ним целыми днями вообще - как итальянцы разговариваем! Матом орём друг на друга, дерёмся... Я говорю: Антон, у нас тобой итальянская семья!

КАТЯ. Ты итальянский знаешь?

СВЕТА. Да нет, ну в смысле итальянцы тоже так общаются эмоционально. Кричат, ругаются, руками машут. Мы с ним очень эмоциональные.

КАТЯ. А что сюда, под окна, не приходит? Начальство не отпускает?

СВЕТА. Если бы – начальство! Так его вообще не отпускает! У них с друзьями игра такая есть – подводная лодка называется. Слышала, нет? Закрываются в квартире и просто пьют. Кто вышел – тот проиграл. Не выдержал, значит, слабак.

КАТЯ. Ну... Мужчины. А он что у тебя, не работает?

СВЕТА. *(усмехается)* Работает! Со мной в отделении, опером...

КАТЯ. Хорошо, всегда на глазах.

СВЕТА. Отпуск дали в честь рождения дочери. А он вот так...

(отворачивается, горьким шёпотом) Скотина дебил.

КАТЯ. Не переживай. Завтра Новый год. *(теребит гирлянду-гармошечку, которая отклеившись от стены с одной стороны, повисла унылой блестящей соплёй)* Откуда красота такая?

СВЕТА. Взяла у Раисы из седьмой палаты. Я подумала, ей и так нормально.

КАТЯ. Пошли к ней на Новый год телевизор посмотреть?

СВЕТА. Пошли. А то чего она там жирует одна.

КАТЯ. Думаешь, ей лучше, чем нам?

СВЕТА. Ты сама говоришь – пошли телевизор посмотреть!

КАТЯ. Ну и что. Она точно так же дни считает и выписки ждёт, какая разница. С телевизором, без телевизора – всё равно здесь всем плохо, все домой хотят.

СВЕТА. Да уж. Не санаторий.

КАТЯ. Ты говоришь, как ОНА.

СВЕТА. Я скоро храпеть начну, как ОНА!

КАТЯ. Её совсем не жалко...

СВЕТА. Да. Как раз, её мне совсем не жалко! *(встаёт решительно)*

Резко открывается дверь, вбегает запыхавшаяся медсестра.

МЕДСЕСТРА. Пецлер!

КЛАРА. Пёльцель!

МЕДСЕСТРА. Подойдите, я вам голову посмотрю.

КЛАРА. *(встаёт)* Что? А что не так с моей головой?

МЕДСЕСТРА. На вши проверяем.

СВЕТА. *(громко фыркает)* Получше смотрите, там можно много чего найти.

КЛАРА *(подходит)* Нет у меня вшей. *(Медсестра копается в волосах)*

Почему вы решили, что у меня вши?

МЕДСЕСТРА. Окрестина!

СВЕТА. *(возмущённо)* А я причём? Я к ней вообще не подхожу!

МЕДСЕСТРА. Грудь покажите.

СВЕТА. Руки помойте сначала!

МЕДСЕСТРА. Поднимите рубашку, гляну. *(протягивает руки к Свете, та отскакивает)*

СВЕТА. *(грубо)* Руки помойте, женщина! Вы же медработник!

МЕДСЕСТРА. Что такое?

КЛАРА. А зачем нас осматривать?

КАТЯ. А мне надо что-нибудь?

МЕДСЕСТРА. Копысенко?

КАТЯ. Да.

МЕДСЕСТРА. Чулки носите?

КЛАРА. А что происходит?

КАТЯ. Да, я чулки ношу.

МЕДСЕСТРА. После родов не хуже варикоз?

КАТЯ. Нормально вроде. А долго ещё чулки носить?

МЕДСЕСТРА. *(снова подступает к Свете)* Да покажите вы мне грудь наконец!

СВЕТА. *(шипит)* Вы мне вшей насажаете!

КЛАРА. Нет у меня никаких вшей!

МЕДСЕСТРА. У женщины нет вшей, не волнуйтесь!

КАТЯ. Это на выписку? Скажите, сколько мне ещё чулки носить?

МЕДСЕСТРА. *(осматривает Свету)* Грудь опустошается не полностью.

СВЕТА. *(меняется радостно)* На выписку?!

МЕДСЕСТРА. Вам - сходить на физио, у вас уплотнения.

СВЕТА. Куда?!

КАТЯ. *(подбирается ближе)* А ЕЙ?!

МЕДСЕСТРА. *(теряется)* Кому? Что? Чулки два-три месяца поносите ещё.

СВЕТА. *(каменеет лицом)* А ЕЙ?!

МЕДСЕСТРА. Ей – что? Ей – чулки! Вам, не ей. Кому?.. Не путайте меня.

Кабинет физиолечения на нулевом этаже.

КЛАРА. Я знаю, я покажу.

СВЕТА. *(взвизгивает, показывает пальцем на Клару)* Ей! Ей! Вот этой вот?!

МЕДСЕСТРА. Пельцель, вам тоже - нулевой этаж, на узи. Потом на выписку. Готовьтесь. *(уходит)*

Катя и Света подавлены.

КЛАРА. Света, собирайся, пойдём в подвал. Я знаю, куда идти...

(оглядывается) Так неожиданно. Даже не знаю, с чего начать.

(останавливает взгляд на ребёнке, который спит на кровати) Вот с чего!

(осторожно, чтобы не разбудить, берёт сына и перекладывает его в

кроватку за решётку, успешно). Ага, видели? Не думаю, что он привык, но,

по крайней мере, не заметил, как с ним это произошло! *(смеётся)*. Ну? Ты готова идти?..

Катя и Света молча и угрюмо смотрят на Клару.

Сцена 15

Сон младенца – 3

Кабинет МАЙОРА. Дубовый стол с малахитовыми канцелярскими аксессуарами и на заднем плане – уютная лысоватая ёлочка с ёлочного базара. На верхушке – красная звезда. Под ней – растрёпанные коробки с милыми новогодними украшениями советских времён – стеклянные

раписные шары, шишки, сосульки. МАТЬ Майора достаёт каждую игрушку из клочка газеты – они завёрнуты туда, чтоб не бились. Бережно распутывает многоразовый «дождик». Наряжает ёлочку.

МАЙОР: Красота уже, красота! Прибирай, скоро начнётся трансляция.

МАТЬ: Погоди, вот здесь пышнее надо, чтоб на камеру...

МАЙОР: *(садится за стол)* Всё, всё, утомонись, лучше сделай мне кофе, чувствую, давление падает... Магнитный фон, серость эта... Опять новый год под дождём, чёрт знает что в природе... всё перемешалось *(обхватывает голову руками)* Хоть бы накрыло всё белым, как раньше, как в детстве – идёшь, и хрустит под ногами, блестит... Эх! То были зимы, скажи, мам?

МАТЬ. *(тянется к ветке)* Были, сынок, были...

МАЙОР. Мороз тридцать пять, сорок – помнишь? Мы с мальчишками шутили во дворе: лизни дверь! Был у нас там один, самый младший, всё ему доставалось, да ещё без отца... Так мы ему: лизни дверь! Всё, прилип к железу, не отклеишь! Мороз ядрёный, леденит моментально. Так и стоит, дурачок. Кто пойдёт – дверь дёрнет, язык с мясом...

МАТЬ. *(в ужасе, закрывает рот рукой)* Господи, помилуй!

МАЙОР. А всё ж свобода! Ха-ха-ха-ха *(смеётся добродушно)*

МАТЬ. И это мой сын!

МАЙОР. Сын. Ну сын... Мальчишки! Шутили, ещё не так шутили.

МАТЬ. Помню, помню. Дошутился однажды. Так, что переезжать пришлось из-за тебя, шутника.

МАЙОР. Mam, ну это ж не я! Так и не веришь до сих пор?

МАТЬ. Я – не я. Сейчас уже без разницы. Я тогда даже разбираться не хотела – что у вас там произошло. Сейчас, так уже не страшно... Расскажи ты мне правду, сынок!

МАЙОР. Я тогда тебе всю правду рассказал. Не я это. Короче, было так. Было во дворе три дурачка – как они зовутся сейчас? Дауны вроде. Вот, наверно, дауны были. Лица плоские такие... Петя, Лёша и Кеша. Я, бывало, играл с ними, забавно... Они потому всегда бежали ко мне, знали, что поиграю. Один раз шёл мяч гонять, так не знал, как отделаться от них... Что-то сочинил на ходу, послал их – говорю, идите, в партизанов поиграйте и немцев. Петя с Лёшей партизаны, Иннокентий будет немец-шпион. Ловите его и пытайте – пусть военную тайну выдаёт! А ты, Иннокентий ни за что не сдавайся! А сам пошёл на поле к ребятам. Вечером встречаю их, двоих... Радостные такие, бегут ко мне... Спрашиваю, ну что, немец сдался? Не сдался, говорят, но мы его повесили...

МАТЬ. Я знала, что ты не мог это сделать.

МАЙОР. Я ж тебе не врал никогда.

МАТЬ. А почему на тебя перевели всё?

МАЙОР. Партизаны сказали, я их главный, это я их заставил. Ну дурачки же!

МАТЬ. Дурачки... Кто не дурачки?

МАЙОР. А этот, слышишь, мам? С языком который. Тоже дурачок ведь. Он за зиму вот так раз пять дверь лизал... Знал, но слушался нас. Боялся нашего презрения. Оно ему страшнее было, чем язык лишний раз содрать. Да и неизвестно, чего ждать ещё, а эта шутка злая уже знакома ему была... Только мы от этого ещё больше его презирали. Хоть раз бы пошёл в сопротивление... *(вздыхает)* Ох... Но такого, конечно, происходить не должно. Что ж, все ошибаются, ошибки и делают историю... Иной раз кажется, так в том дворе и остался: кто посильней, смеётся над своими шутками, а кто послабей – ждёт, когда всё закончится. И потом кто-то случайный дёргает дверь... *(пауза)* Мама.

МАТЬ. Что?

МАЙОР. Померяй мне давление.

Сцена 16.

Темнота. Гул шахты. Далёкий железный стук.

СВЕТА. Это не здесь?

КЛАРА. Нет.

СВЕТА. Не нас?

КЛАРА. Где-то выше.

СВЕТА. *(возмущённо)* Ясно, что выше! Ниже уже некуда!

КЛАРА. Извини.

СВЕТА. За что?

КЛАРА. За всё, если хочешь! *(смеётся)*

СВЕТА. *(обиженно)* Я ничего не хочу. Я хочу домой.

КЛАРА. Подожди. Скоро будешь дома.

Света начинает шумно дышать, метаться и стучать во что-то грохочущее.

КЛАРА. Здесь никого нет.

СВЕТА. Там, наверху есть!

КЛАРА. Хочешь покричать?

СВЕТА. *(вопит)* А-а-а-а-а-а-а-а!

КЛАРА. *(кричит Свете)* Дава-ай покричи-им! Если-и хо-очется-а, на-адо кри-ича-а-а-ать!!!

СВЕТА *(вопит истошно)* Помоги-и-и-ите-е-е!!! *(грохочет, бьётся во что-то железное, ревёт страшным голосом)* А-А! А-А! *(начинает плакать, затихает с плачем)*

КЛАРА. Ну ты чего.

СВЕТА. Там мой ребёнок остался...

КЛАРА. Было бы лучше, если бы он был тут?!

СВЕТА. Она. У меня дочка.

КЛАРА. Она, хорошо. Лучше бы она была тут?

СВЕТА. *(всхлипывает)* Лучше бы я была там.

КЛАРА. Там тебе тоже не нравится. Тебе нигде не нравится.

СВЕТА. Мне нравится там, где тебя нет.

КЛАРА. Ты сама пошла, никто не тянул.

СВЕТА. Ты сказала – пошли, я отведу!

КЛАРА. Я просто предложила!

СВЕТА. Я пошла не с тобой, а потому что я здесь не была!

КЛАРА. Может, тебе просто нравится там, где тебе не нравится?

СВЕТА. *(шипит)* Это всё из-за тебя... Это ты виновата!

КЛАРА. Никто не виноват!

СВЕТА. Я пошла - ты сказала, что знаешь, куда идти!

КЛАРА. А я и знаю!

СВЕТА. Тогда почему я здесь?

КЛАРА. Но мы же нормально шли.

СВЕТА. Но я здесь!

КЛАРА. Я и дальше знаю, куда идти.

СВЕТА. Ах же ты сучка...

КЛАРА. *(по-пионерски бодро)* А ты дура!

СВЕТА. Ты сучка!

КЛАРА. А ты дура! *(прыскает смехом, смеётся одна, вежливо кашляет, замолкает)*

СВЕТА *(шепчет)* Просто сучка...

КЛАРА. Ну почему?! Потому что я не могу сейчас, как джинн-Алладин, дёрнуть за бороду, чтобы этот долбаный лифт поехал?! Поэтому я сучка?! Ты глупости говоришь, не обижайся.

СВЕТА. Где кнопка? *(судорожно шлёпает руками по стенам)* Где кнопка?

КЛАРА. Да не работает кнопка, не работает! *(нажимает)* Вот! Вот! Вот! Не работает ничего!

СВЕТА. Дай я! Где? *(стучит по стенам, жмёт на кнопки)* Вот! Вот! *(жмёт)* Здесь все кнопки! Надо нажать все! Ты не все нажала! Там должна быть такая кнопка...одна... *(затишает)*

КЛАРА Чш-ш-ш...

По шахте проходит мерный гул, В лифте включается свет. Клара и Света стоят друг напротив друга, застыв напряжённо и взявшись за руки. Секунду Света испуганно смотрит Кларе в лицо, быстро переводит взгляд на кнопки.

СВЕТА. Вот она. *(нажимает на красную кнопку)*

Двери лифта открываются, за ними – толпа женщин в больничных халатах.

ЖЕНЩИНЫ (зудят облегчённо, втекают в лифт, вытесняя Катю и Свету наружу) О, наконец-то! Ну слава богу! Мне со швами вообще нереально по лестнице! Думаю, буду ждать до последнего! А представляете, если бы на полдня вырубили? Нет, похоже, это пробки повывлетали. Да, наверно, везде света не было. Может, авария какая на станции. Может, вообще весь район. Нет, точно, что-то здесь повывлетало, местное. Ой, я всегда так боюсь в лифте застрять...

Двери закрываются, лифт уезжает. Света и Клара долго слушают его движение.

КЛАРА. Пошли, туда.

Сцена 17

В палате тихо. Света и Катя, понурые, на своих местах. Койка Клары пуста. Навязчиво стрекочет и мигает сдавшаяся кварцевая лампа. Входит усатая медсестра с «мечом джедая» - исправной лампой на замену. Никто не реагирует на её приход.

МЕДСЕСТРА. Это у вас лампа зацвиркала? Ага, у вас... (берёт стул, кряхтя взбирается на него менять лампу) На замену вам принесла... Сейчас мы... Эту снимем, та-ак... Это что электричество отключили резко – а им же нельзя резко! Им нагреться нужно потихоньку, разгореться... Та-ак. Потом гасить их тоже надо медленно, чтоб остыли. А тут – на тебе! Чык – и всё! Такое бывает. А лампы дорогие! Хорошо, запасная была. А то сейчас счёт выписывай – скажут, на счёте денег нет, ждите. А кварцевать надо, нужна стерильность! А в медицине сейчас денег нет даже на то, что надо, а на что не надо – тоже денег нет. Всё берут, берут – и ничего не дают... Ой, дзевачки. Вспомнила. Кто из вас в платную хотел? Платная освободилась, седьмая. Кто хотел?.. (нет реакции) Или это не у вас? Кто-то у меня хотел в платную, подходил, спрашивал... А кто? (слазит со стула). Мне казалось, со второй, из вашей. Женщина так хотела, чуть не плакала. Аж неудобно было. А что я могла сделать? Куда человека девать? Вот, теперь освободилась палата – теперь можно. Ну ладно, не у вас, значит... С наступающим, дзевачки! (уходит без ответа)

Сцена 18

31 декабря. Платная палата свободна, двери настежь открыты. Никого нет, телевизор работает. Где-то в соседней палате ритмично шипит груша тонометра. Сквозняк. По телевизору начинается Новогоднее обращение президента.

«Дорогие соотечественники! Мы такие разные, но мгновения уходящего года делают нас похожими, потому что мы объединены чувством торжественности и величия этого момента. Буквально через несколько минут нам предстоит отправить в архив истории этот непростой год. Мы его прожили спокойно, уверенно следуя собственным путём. Жили своим умом, трудом добывая ”хлеб насущный“. Мы никому не подражали, не копировали бездумно чужие модели. Не обижали других и не создавали проблем для наших соседей. Мы немало пережили, через многое прошли. Подтверждая неразрывные духовные связи сплочённой нации! Мы немало сделали для развития нашей страны. Собрали небывалый урожай хлебов! Стали космической державой! Возрождали памятники культурного наследия. Но главным было то, что мы стали на 115 тысяч маленьких граждан богаче. Это примерно на 6,5 тысяч больше, чем в прошлом году. Я преклоняюсь перед вами, подарившими стране будущее – детей. Они – основа нашей независимости, благополучия и процветания. И общество должно сделать всё необходимое для того...»

Конец.

О.Прусак 2017